

В. И. Михайленко
Екатеринбург

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Толерантность в международных отношениях как научная проблема. События 11 сентября 2001 г. актуализировали проблему толерантности в международных отношениях. Среди сценариев развития международной обстановки угрожающе актуальными становятся прогнозы политолога из США С. Хантингтона, который в 90-х гг. XX в. предсказывал цивилизационные и религиозные войны¹. Но и при ином сценарии мировых событий проблема толерантности не утрачивает своего значения.

В связи с этим можно утверждать, что поле *культуры толерантности* в международных отношениях в начале XXI в. неожиданным образом становится одним из важнейших условий дальнейшего существования человечества, а возможно, и живой природы на Земле. Проблемы внедрения культуры толерантности в международные отношения давно ставятся в повестку дня международным сообществом, прежде всего по линии ЮНЕСКО, и неправительственными организациями, тем не менее можно с уверенностью заявлять об утверждении примата силы над толерантностью в международных отношениях. У автора этих строк нет иллюзий относительно изменения иерархии отношений между ними в обозримом будущем. Однако даже в том случае, если толерантность обречена на маргинальные позиции, она является одним из действующих факторов международных отношений, постоянно нуждающимся в усилении влияния. Методологически близким по смыслу в оценке важности толерантного подхода звучит призыв итальянского интеллектуала Умберто Эко: «Интеллектуальный долг — утверждать невозможность войны. Даже если ей не видно никакой альтернативы»².

Проблематика толерантности в международных отношениях рассматривается, прежде всего, под углом *политических процессов*, с привлечением классических и постмодернистских

¹ См.: Huntington S. Lo scontro delle civiltà e il nuovo ordine mondiale. Garzanti, 1997.

² Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 1998. С. 26.

методологических принципов, междисциплинарных методик исследования.

Принципы «сдерживания» в биполярном мире. С распадом советской империи прекратил существование «ялтинский мир» — политическая система, созданная державами-победительницами после поражения гитлеровской коалиции. Динамичное равновесие в ней поддерживалось развитой системой сдержек и противовесов отношений между двумя сверхдержавами. НАТО и Варшавский договор являлись сугубо военными инструментами геополитических интересов сверхдержав, не претендуя на гуманистические сентиментальности.

По периметру сфер влияния оставалось место для других субъектов ялтинской системы, находившихся в отношениях полузависимости или нейтралитета.

Политика взаимного сдерживания сверхдержав не раз ставила мир на грань глобальной войны. Несмотря на различие идеологических подходов, оба противостоящих блока стремились соотнести их с принципами, декларированными Уставом и резолюциями Организации Объединенных Наций — ООН. Можно рассуждать об искренности отношения сверхдержав к соблюдению принципов ООН, об их истинном стремлении манипулировать этой международной организацией, но факт остается фактом — Нюрнбергский процесс над международными преступниками определил моральную и политическую линию разрыва с прошлым, за которую ни один мировой политик не стремился выйти. Выработанные ООН принципы поведения признавались как непререкаемый авторитет в международных отношениях. Была разработана международная процедура разрешения конфликтов, пресечения попыток геноцида и других преступлений перед человечеством. Не было случая, чтобы одна из сверхдержав в достижении своих геополитических интересов не стремилась оправдаться перед Содружеством Наций.

Оценка острых мировых кризисов, например, советской интервенции в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., вьетнамской войны США и советской войны в Афганистане, осуществлялась противоборствующими сторонами с использованием схожих нравственных и политических категорий. Несмотря на декларированное различие идеологем, они находились в пространстве одинаковых знаковых гуманистических ценностей. Различие подчеркивалось понятием «более», напри-

мер, «более демократическая система», «более защищенный человек» и т.д.

В условиях биполярного противостояния Содружество Наций разработало систему гуманистических ценностей, которые стали общечеловеческим достоянием и являлись важным сдерживающим элементом проявлений насилия и ксенофобии в мире.

После распада СССР потерпела крах и ялтинская система, державшаяся на разделении ответственности за мировой порядок между США, Великобританией и СССР. Поскольку позиции Великобритании были минимизированы уже в конце 40-х гг., то с распадом СССР мир, казалось бы, стал *монополярным*.

Но не только эта тенденция характеризует современные международные отношения. Не удовлетворены своей мировой ролью новые демографические и экономические гиганты, «тихоокеанские тигры» — Китай, Индия, Пакистан. Раздражение многих субъектов ООН вызывает несанкционированное ею распространение на весь мир концепции «ограниченного суверенитета». Опасно карательные функции возлагать лишь на НАТО, организацию, не имеющую универсального международного мандата. И еще опаснее прикрывать именем международных организаций несанкционированные ими действия. Это реальность. Необходима новая архитектура международных отношений, новая система, ответственная и эффективная, приведенная в соответствие с новыми реалиями.

Уроки XX века³. В истории человечества, пожалуй, не было другого такого короткого отрезка времени, который бы спрессовал в себе целую историческую эпоху. Можно только предполагать, что и далее мировая история будет разворачиваться столь же стремительно и быстротечно. Источник идей гуманизма, просвещения, равенства и братства народов, освобождения человека, Европа двадцатого века первой приступила к внедрению в массовое общество захватывающих коллективистских проектов. В XX в. Европа спровоцировала две мировые войны; практически всю вторую половину столетия раскол, начавшийся в Европе, удерживал весь мир в состоянии «холодной войны». СССР проиграл «третью мировую войну», а вместе с этим второй раз за одно столетие Российская империя прекратила свое существование. Мировой порядок изме-

³ Подробнее об этом см.: Михайленко В. И. Короткий век — длинная эпоха // Известия УрГУ. 2001. № 19.

нил свои очертания, превратившись в однополюсный центр, возглавляемый наиболее последовательным учеником европейских идей — США. Не в первый раз европейской цивилизации пророчат вторые роли, но вновь, как это уже было не раз, старый континент затеял грандиозный проект европейского строительства.

Ровно сто лет назад в российских журналах высказывалась уверенность, что XX в. будет мирным. «Вероятность войны полностью исключена на том основании, что развитие европейской цивилизации — промышленности, науки и техники — сделало войну невозможной», — обобщал Андрей Синявский новогодние прогнозы в русских журналах конца XIX в. в своей книге «Советская цивилизация». Уходящий век не оправдал этих прогнозов. Никаких гарантий оптимистическим прогнозам не дают наступающий век и новое тысячелетие, тем более, что на этот раз тон задают именно пессимистические прогнозы.

Пожалуй, в мировой истории не было иного периода столь осознанного и изощренного применения самых передовых научно-технических средств массовых убийств. Все началось с газовых атак Первой мировой войны, продолжилось использованием ядерных технологий, а завершили век массовые этнические чистки и новое изобретение мировой политики — «гуманитарные интервенции».

Почему существуют культуры, санкционирующие массовое убийство, каннибализм, унижение других? — ставит вопрос итальянский гуманист Умберто Эко⁴. «Просто по той причине, что в них круг *других* сужен до предела племени (или этноса) и “варвары” не воспринимаются как человеческие существа»⁵. Этот вывод в равной степени может быть отнесен и к инакостям внешней оболочки общества, и к отношениям внутри самого общества.

Влияние политической культуры постмодерна на международные отношения. Зафиксированным фактом становится ослабление детерминистских связей между традиционными субъектами международных отношений. Оттеснены на маргинальные позиции классические системы международных отношений, в которых «экономика определяла политику»

⁴ См.: Эко У. Пять эссе на темы этики. С. 9.

⁵ Там же.

или противоборствовали геополитические гиганты — «Суша против Моря».

Государственный суверенитет перестал быть основой систем международных отношений. Впервые, по крайней мере со времени создания в 1648 г. Вестфальской системы, суверенные государства перестают быть субъектами систем международных отношений. Подрываются институты международного права, складывавшиеся на протяжении столетий. В одностороннем порядке аннулируются международные договоры, поддерживавшие международную безопасность и контролировавшие гонку вооружений, принятые этические нормы отношений между субъектами международных отношений. Теряется доверие к основополагающим институтам современной системы международных отношений, в деятельности которых все более проявляется конъюнктурная избирательность. Затянувшийся распад прежней системы международных отношений сопровождается ростом этнических конфликтов, международного терроризма, несдержанностью и использованием чрезмерной силы сильных в отношении слабых субъектов международных отношений.

Таким образом, при явном попустительстве мирового сообщества в международных отношениях утверждается концепция «глобального шерифа», в одиночку вершащего праведный суд; укрепляется политическая философия силы, не ограниченная никакими международно-правовыми, моральными или нравственными нормами. Что хорошо для США, то хорошо и для остального мира. Выигравшая «холодную войну» политическая элита Запада оказалась не готовой к осуществлению глобальной гегемонии в условиях мира, к реформированию ялтинской системы в новую стабильную мировую систему.

Стабильность систем обеспечивается сложным механизмом сдержек и противовесов, который обеспечивает состояние динамического (подвижного) равновесия сил. Мир, не основывающийся на динамическом равновесии сил, становится все более хрупким, ненадежным и менее предсказуемым. Как ни парадоксально, это приводит к увеличению числа статистов на мировой сцене, способных в любой момент стать актерами первого плана. Множится количество неожиданных сценариев развития мировых событий, и самым печальным является то, что в условиях нестабильной системы даже наиболее экстравагантные из них получают шанс на реализацию.

Вызовы глобализации. Современная политическая наука вырабатывает новый понятийный аппарат, позволяющий типологизировать современные тенденции в международных отношениях. Наиболее обобщающим из них является понятие «глобализация».

В качестве самых общих объектов научного внимания становятся глобальные проблемы современности, прежде всего *процессы глобализации*, провоцирующие принципиально новые формы современных политических вызовов. Авторы научного доклада, составленного под руководством С. Караганова, справедливо отмечают: «На наших глазах происходит переход международных отношений в глобальном масштабе в совершенно новое измерение, сущность которого будет проявляться по мере развития обстановки в мире. Прекращение длительной конфронтации в Европе и развал СССР не упростили, а, скорее, усложнили глобальную, и, прежде всего, европейскую, ситуацию, в которой сосуществуют в сложном взаимодействии контрагенты совершенно несопоставимых весовых категорий и программных установок»⁶.

Итальянский социолог Гвидо Мартиноцци выделяет несколько направлений «глобализации»: *первое* — интернационализация (глобализация) экономической и финансовой интеграции; *второе* — растворение национальных рынков в мировой экономической системе; *третье* — утрата национального контроля над мировой компьютерной системой движения капитала и услуг.

Результатом «глобализации» становится ослабление национального суверенитета, ограничение возможностей вмешательства со стороны государства и общественных организаций в стабилизацию социальной жизни⁷.

Политическим событием современности стало столкновение глобалистских и антиглобалистских явлений, производным от последних стал феномен, названный *глокализацией*⁸.

Глобализация самым решительным образом воздействует на изменение *современной архитектуры мира*. Таким образом, изменяются сами принципы, на которых на протяжении трех с

⁶ Новая геополитическая ситуация в Европе, позиции Запада и интересы безопасности России: Доклады Института Европы / Под науч. рук. С. А. Караганова М., 1994. С. 9–10.

⁷ См.: Second Report from the Commission on Citizenship of the Union // Commission of the European Communities. Brussels, 1997.

⁸ См.: Dahrendorf R. Dopo la Democrazia. Laterza, 2001. P. 4.

половиной веков основывался фундамент систем и подсистем международных отношений.

Сопутствующими процессами глобализации, без поспешной претензии на установление иерархии взаимосвязей, являются *межцивилизационные* и *межрелигиозные* вызовы. Их производными стали проявления цивилизационной, религиозной, национальной, этнической, расовой нетерпимости, которые подрывают основы человеческого общежития. И напротив, формирование толерантного поведения в этих сферах превращается в основной позитивный отклик на данные вызовы глобализации.

В исследовании влияния глобализации на внутривнутриполитические процессы Р. Дарендорф установил «прямую связь между кризисом демократии и кризисом государства-нации»⁹. Как отмечает Р. Дарендорф, наличия формальных демократических институтов, обобщенных понятием «правовое государство», уже недостаточно для констатации демократического состояния или процесса. Индикаторами демократии могут стать, казалось бы, второстепенные признаки, например, готовность власти на демократическую смену власти¹⁰.

Внутриполитическая динамика в США после 11 сентября 2001 г. представляет прямую угрозу демократическим институтам, прежде всего, самого мирового гегемона. Увлеченные преследованием внешнего врага немногие интеллектуалы, властители умов, выразили тревогу в связи с резким сужением роли демократических институтов в государстве, претендующем на роль мирового гаранта демократических процессов.

В ряде исследований политических процессов после 1989 г. Ральф Дарендорф высказал суждение относительно вступления человечества в новый переходный *«последемократический период»*, который, как надеется британский ученый, завершится конструкцией *«новой демократии»*¹¹.

Исследовательское поле международных отношений.

Можно с большой долей уверенности сказать, что в XX в. самоуверенный человеческий разум сыграл злую шутку с нашей цивилизацией. «Социальная инженерия», опирающаяся на выхолощенные детерминистские теории, нанесла непоправимый ущерб цивилизации. В итоге общественные науки утратили роль путе-

⁹ Ibid. P. 7.

¹⁰ См.: Ibid. P. 8.

¹¹ Ibid. P. 4.

водной звезды, усилился скепсис в отношении возможностей рационального познания. Сузившуюся сферу классических теорий стали заполнять суррогаты еще недавно маргинальных идей.

Данная тенденция затронула также классические представления о функционировании систем международных отношений. И без того молодая наука о международных отношениях испытывает сильное давление постклассических, релятивистских методологий¹².

На эти темы начинают рассуждать ученые, но адекватного отношения политиков, массового сознания к объективно изменяющейся ситуации пока нет. Не все понимают, что изучение современных политических процессов в международных отношениях требует обращения к иному научному инструментарию, чем тот, что использовался наукой и политиками в XIX в. или даже в первой половине XX в.

Автор принадлежит к числу тех скептиков, кто считает, что в международных отношениях принимают участие настолько разные субъекты, со столь подвижной иерархией отношений, что создание единой теории международных отношений представляется невозможным.

В современной России все более заметное место в оценке международных отношений и обосновании внешней политики занимают геополитические подходы. Причем геополитика, понимаемая как непротиворечивое фундаментальное знание, постепенно занимает то место, которое в течение советского периода принадлежало материалистическому детерминизму. Однако если анализировать с точки зрения философии политики геополитические подходы З. Бжезинского (к примеру, его недавнюю книгу «Великая шахматная доска») и современных российских традиционалистов А. Дугина, Э. Позднякова, то между этими, казалось бы, разными авторами прослеживается общность в метафизическом отношении к познавательным возможностям геополитики как непротиворечивой и абсолютной науки о международных отношениях.

Констатацией этих и других фактов недостаточных эвристических возможностей науки международных отношений ав-

¹² Считается, что институционализация науки о международных отношениях началась с создания в 1919 г. специальной кафедры в Эйберсвите (Великобритания). См.: Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова. М., 1999. С.10.

тор отнюдь не стремится отрицать познавательные возможности различных интерпретаций, он лишь хочет подчеркнуть относительность и ограниченность средств современной науки в познании международных процессов.

Особенность нашего теоретического подхода определяется отношением к теории международных отношений как одной из частных наук об общественных явлениях, которая в конечном итоге находится в зависимости от общей философской постановки этой проблемы.

На наш взгляд, реальный водораздел в познании международных отношений пролегает между теми, кто жестко детерминирует (с материалистических или идеалистических позиций) генезис международных отношений, и теми, кто рассматривает международные процессы как постоянный переход от свободы к необходимости и обратно, т. е. смотрит на международные отношения как на процесс пульсирующий и колебательный, а его фиксированные моменты связывает с проявлениями компромисса свободы и необходимости.

Определив *необходимость* как область *фундаментальных ограничений*, мы можем достаточно строго утверждать, что *детерминизм* есть предельный случай во взаимодействии свободы и необходимости. Действительно, чем ближе мы подходим к границе области условий, совместимых с жизнью, тем строже обнаруживают себя причинно-следственные (каузальные) связи, тем все больше сужаются, постепенно сходя на нет, возможности выживания, тем вернее действует принцип «быть или не быть». *В этом крайнем пределе необходимость переходит в детерминизм, а свобода исчезает.*

Международные отношения можно рассматривать как процесс взаимоприспособления, взаимодействия свободы и необходимости, который осуществляется через *регуляцию и саморегуляцию*. Поскольку на первое место выходит проблема необходимости (выживания), то в мировом сообществе возникает и постоянно развивается огромный слой международной регуляции и регламентации (международно-правовой, политический, военно-политический, международные институты и т. п.). Каждому члену сообщества предписываются нормы поведения и определенные международные роли. Складывается своего рода мировой каркас, действующий зачастую более жестко, нежели собственно естественные ограничители, поскольку нарушения международных норм чреваты порой катастрофически-

ми последствиями. Таким образом, регуляция может рассматриваться как поиск *компромисса* между свободой и необходимостью.

Россия в системе международных отношений: миропонимание. Российское общество пребывает в униженном состоянии *постимперского синдрома*. Его основной особенностью, на наш взгляд, является состояние *отложенной* массовой мобилизации. В каком направлении может быть канализирован массовый порыв, будет ли он обладать созидательной или разрушительной силой, зависит от правильного выбора приоритетов модернизации.

Сложность выбора политической стратегии для любого российского политика состоит в том, чтобы не только сохранить государственность, но и прийти к согласию в обществе, разделенном на людей с мышлением индустриальной и постиндустриальной эпохи. Первые из них даже не подозревают о сложности вызова, брошенного современной технологической революцией и глобализацией мировых процессов.

Поражает нереалистичность многих политических оценок международного положения России. Например, один из государственно-патриотических идеологов Алексей Подберезкин считает, что России нужна «самодостаточная национальная экономика... представляющая собой полноценный самостоятельный комплекс, который на равных условиях сотрудничает и соревнуется с экономикой развитых стран»¹³. Сегодня с такой постановкой проблемы не справится ни одна страна в мире, даже более развитая, чем современная Россия.

Традиционалист Александр Дугин выдвигает на первый план «русский национальный интерес», который реализуется имперским образом благодаря геополитической потенции русского народа. «Русские — народ Империи», — утверждает А. Дугин. Отсюда следует, что русский национальный интерес заключается в продолжении имперостроительного процесса¹⁴.

Надо ли говорить о том, что нереалистично сформулированные задачи, даже если они ласкают слух, при их реализации могут подорвать национальную безопасность?

¹³ Подберезкин А. Стратегия для будущего президента России: Русский путь. М., 2000. С. 138.

¹⁴ Дугин А. Основы геополитики. М., 1997. С. 188–189, 198.

В программном документе В. В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий» первостепенной задачей определена *модернизация* с целью *формирования постиндустриального общества*. Модернизация, на наш взгляд, означает приближение отсталой или отстающей сущности к некоему опережающему типологически обобщенному состоянию.

Определение модернизации в качестве стратегической задачи не вызывает дискуссий у большинства политиков и ученых, независимо от того, какие ценности они разделяют: либеральные, традиционалистские или государственнические. Другое дело, что в понятие *современное общество* вкладывается различный смысл. Создается впечатление, что ряд авторов, рассуждая о постиндустриальном обществе, наполняют оболочку содержанием, не соответствующим типологическим признакам.

Ключевой темой современного развития России является выбор средств и методов модернизации. Вариантов немного: мобилизация внутренних ресурсов, использование внешних источников и комбинация того и другого источника. Опора исключительно на внутренние источники чревата автаркией. Этот путь себя уже исчерпал. Расчет на внешние источники модернизации нереален. Остаются комбинированные формы.

Каким образом проявляет себя *инакость* России? Вряд ли кто-то будет оспаривать очевидный факт, что России всегда принадлежала роль догоняющей модели. Необходимо объективно проанализировать причины бегства стран Центральной и Восточной Европы, Прибалтики из советского блока и смены ими одного вида внешнеполитической зависимости на другой. Возможно, основная причина заключалась в *цивилизационной несовместимости* с Россией.

Российское общество заплатило непомерную *цену* за самонадеянность социальных инженеров, но оно должно понять и собственную историческую вину. Это естественная расплата общества за недостаточную развитость, нежелание учиться у других, высокомерие, иждивенчество, бескультурие. Сегодня проявляется великий соблазн уйти от разговора на эту тему, ссылаясь на историческое своеобразие, поискать «внешнего врага». Важнейшая задача внутренней безопасности России заключается в преодолении *азиатчины*, в повышении уровня *срединной* культуры, в том числе технологической, в принятии массовым сознанием правил буржуазной производственной этики (названной Максом Вебером *протестантской*).

Понятие международной стабильности рассматривается теорией международных отношений как динамическое (подвижное) равновесие сил. Ни одна самая совершенная теория не подскажет ответы на тысячи новых вопросов, спровоцированных современной непредсказуемой динамикой международной обстановки. Поэтому составление внешнеполитической доктрины России в виде талмуда, в котором прописаны до мельчайших подробностей национальные интересы и пути их реализации на международной арене, не имеет никакого смысла. За десять лет развития демократической России сменилось не менее трех концепций ее национальной безопасности и внешней политики. После 11 сентября 2001 г. впору писать новые концепции.

Иллюзии «стратегического партнерства». Внешняя политика есть инструмент реализации демократического выбора, сделанного российским обществом в 1991 г. Каждый раз, когда в силу инертности мышления или под давлением оппозиции, российское руководство предпринимало действия, идущие вразрез с историческим выбором, Россия терпела самые жестокие поражения на внешнеполитической арене.

В период пребывания А. В. Козырева на посту министра иностранных дел РФ была предпринята попытка привести внешнюю политику в соответствие с идеологическими принципами построения новой России, вставшей на путь либерально-демократических преобразований. Было провозглашено стратегическое партнерство с Западом. «Стратегическое — потому что мы разделяем общие ценности», — подчеркивал А. В. Козырев¹⁵. Начиная с министра иностранных дел А. Козырева, российская внешняя политика исходит из прогноза «формирования многополярной системы международных отношений». Та же самая цель зафиксирована в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной в 2000 г. (разд. 2). Этот тезис проходит через большинство официальных документов. Он воспринимается как аксиома. В одной из немногих критических работ справедливо отмечается «отсутствие серьезной критики теории на фоне частой критики практики»¹⁶. Автор этого вывода Д. Тренин отмечает, что «многополярность не только предла-

¹⁵ Козырев А. В. Стратегия партнерства. С.10.

¹⁶ Тренин Д. Ненадежная стратегия // Pro et Contra. 2001. № 1–2. С. 50.

гает упрощенную и искаженную картину мира, но и ориентирует внешнюю политику России на цели, часто не отвечающие российским национальным интересам»¹⁷.

Несмотря на неоднократные ссылки А. Козырева на то, что Россия не стремится к кондоминиуму с США, он сам, на наш взгляд, и российская политическая элита, прежде всего, Президент Ельцин, понимали российско-американское «глобальное партнерство» как кондоминиум или как построение новой многополюсной конфигурации, где одним из противовесов американской политике должна выступать Россия в качестве мировой державы. «В то же время уже сейчас представляется достаточно очевидным, что мир XXI столетия не будет ни “Pax Americana”, ни каким бы то ни было иным вариантом двухполюсного мира. Он будет многополюсным», — утверждал А. В. Козырев¹⁸.

На рубеже 1993–1994 гг. отчетливо обнаружились признаки кризиса «политики стратегического партнерства», вернее, того содержания, которое вкладывала российская элита в это понятие. Руководство США не сделало никаких шагов к *соуправлению* мировыми процессами и не проявляло ни малейшего желания стимулировать многополярный мир.

Зубодробительная критика в адрес российской внешней политики и ее главного исполнителя, министра иностранных дел А. Козырева, раздавалась со всех сторон. Типичной для этого времени является публикация политолога А. Миграняна в «Независимой газете» под заголовком «Внешняя политика России: катастрофические итоги трех лет. Пора сделать паузу, поменяв и политику, и министра»¹⁹.

Основной упрек А. Миграняна сводился к тому, что А. Козыреву не удалось остановить продвижение НАТО на восток и превратить данный блок в ядро европейской безопасности. Таким образом, российское участие в программе «Партнерство во имя мира» оказалось лишенным смысла. Второй пример, использованный А. Миграняном, — отношение к Ираку. Политолог подверг критике поддержку российским МИДом карательной акции США в отношении Ирака. Критические стрелы были направлены и в отношении голосования России в Совете Безопасности за предоставление Генеральному

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: Там же.

¹⁹ Независимая газета. 1994. 10 дек.

секретарю мандата ООН на использование сил НАТО в Боснии и против Сербской Краины в Хорватии. А. Мигранян расценил как непоследовательную политику России в отношении Белоруссии. «То мы объединяем наши два государства, то требуем от белорусов радикальных реформ, прежде чем всерьез говорить о формах интеграции». По мнению А. Миграняна, Россия не должна была игнорировать стремление победившего на выборах в Крыму блока «Россия» к объединению полуострова с Россией и параллельно укреплять стратегическое сотрудничество с новым украинским президентом Л. Кучмой.

Прежде всего, А. Мигранян выражал беспокойство в связи с тем, что Запад не собирается признавать особую роль России на пространстве бывшего СССР. «Политика США и их партнеров... в отношении Закавказья, Средней Азии и Украины явно направлена на формирование геополитического плюрализма на территории бывшего Советского Союза и предотвращения российского лидерства в СНГ».

Таким образом, заключает А. Мигранян, «трехлетняя американоцентристская внешняя политика новой, демократической России дала весьма плачевные результаты на всех направлениях», «наградой за разрушение тоталитарной советской империи для России стало не возвращение в семью цивилизованных народов в качестве уважаемого и равноправного партнера, а ее резкое ослабление и изоляция». «Из всего вышесказанного напрашиваются два вывода. Первое: продолжение выбранного курса губительно для России и требуется кардинальная переоценка как роли, так и приоритетов ее внешней политики. Второе: нашим партнерам следует учесть, что угроза изоляции окажет серьезное воздействие на внутривнутриполитический процесс в России и сделает возможным приход к власти антизападных, крайне националистически ориентированных сил, которые смогут использовать изоляцию России для создания авторитарного мобилизационного режима для того, чтобы справиться с социально-экономическими проблемами внутри страны. При подобном развитии событий изолированная Россия с мобилизационным режимом, как сжатая пружина, станет серьезной и постоянной угрозой для международного сообщества».

Мнение А. Миграняна совпадало с суждениями многих представителей политической и научной элиты, согласно которым демократическая Россия должна была получить некую премию за то, что перестала угрожать остальному миру. И в рам-

ках этих дарованных Западом политических предпочтений на Россию должен был обрушиться «золотой дождь» инвестиций, а постсоветское пространство — автоматически быть признанным новорусской сферой влияния. Иначе, подчеркивал А. Мигранян, «эта пружина в любую минуту может выпрямиться», и «Запад повторит ошибку, совершенную после Первой мировой войны по отношению к Германии». Иными словами, в противном случае Россия совершит публичное самоубийство, в результате которого остальному миру «мало не покажется».

Можно вспомнить, что премьер Гарольд Макмиллан, характеризуя бессмысленность британской политики ядерного вооружения, иронично говорил по поводу ее главного принципа реализации: «отойдите, а то застрелюсь».

«Атлантическая петля» внешней политики. Значительная часть российской политической элиты и массового общества смутно представляла себе особенности жесткого функционирования международных и внутренних институтов демократического общества и свободного рынка. Демократия не выставляется на продажу на мировом аукционе, а рассматривается демократическим миром как естественный внутренний процесс, самым своим развитием дающий дивиденды обществу, избравшему демократический путь развития. В свободном мире доказывают свою состоятельность, а не выклянчивают уступки. Западные демократии уважают сильного и проявляют жалость только в отношении низко падших, но при этом категорически требуют от них расставания с собственным суверенитетом.

Что касается постсоветского геополитического пространства, то при любой российской внешней политике и любом правительстве Запад не собирался и не собирается априорно закреплять его за Россией. Как справедливо написал в предисловии к книге Збигнева Бжезинского генерал-майор Службы внешней разведки Ю. Кобаладзе: «Никто еще не рассказал нам проще, жестче и откровеннее об Америке как “единственной сверхдержаве” и никто еще не раскрыл столь обнаженно, какими способами удержать и упрочить ее исключительное положение»²⁰. Далее Ю. Кобаладзе пишет: «...анализируя «козыревскую» внешнюю политику, питавшую иллюзии «зрелого

²⁰ Кобаладзе Ю. Г. Предисловие. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 9.

партнерства» России и США (т. е. совместного «управления миром»), Бжезинский без обиняков, с солдатской прямолинейностью заявляет, что Америка никогда не собиралась делиться властью с Россией...»²¹

В 2000 г. преемник Е. Примакова министр иностранных дел И. Иванов заявил, что «радикальный поворот от конфронтации к сближению с западными странами себя не оправдал». «Эти завышенные ожидания оставили свой отпечаток в первой редакции внешнеполитической концепции России, принятой в 1993 г.»²²

Какие положения той концепции оказались нереальными по мнению И. С. Иванова? «Ускоренная любыми средствами интеграция в евроатлантические структуры», немедленное установление «стратегического партнерства» и даже «союзнических отношений» с Западом. Запад, по мнению министра, не только не был готов к равноправному сотрудничеству с Россией. «Ей в лучшем случае отводилась роль младшего партнера. Любые же проявления самостоятельности и стремления отстоять свои позиции воспринималось как рецидив советской “имперской” политики. Курс США и НАТО на продвижение альянса к границам России, столь явно игнорировавший российские национальные интересы, был в этом отношении наиболее серьезным отрезвляющим сигналом»²³. В силу вышесказанного, полагает министр иностранных дел, «период достаточно явного “прозападного крена” во внешней политике России носил непродолжительный и поверхностный характер»²⁴.

По мнению Е. Кожокина, либерально-демократический поворот вступил в конфликт с национальными интересами России²⁵.

Что означал на самом деле приход Е. Примакова на пост министра иностранных дел? Смену внешнеполитической парадигмы, средств достижения неизменных целей или смену самих целей? На наш взгляд, смена исполнителя внешней политики не привела к смене внешнеполитической парадигмы, сущность которой была направлена на достижение нереального статуса

²¹ Кобаладзе Ю. Г. Указ. соч. С. 10.

²² Иванов И. С. Внешняя политика России и мир: Статьи и выступления. М., 2000. С. 9.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Внешняя политика Российской Федерации. 1992–1999. М., 2000. С. 45.

России в качестве мировой державы и создание новой многополюсной конфигурации системы международных отношений.

В актив дипломатии периода Е. Примакова можно отнести развитие незападных направлений внешней политики, что соответствовало российским национальным интересам. Однако Е. Примакову как министру и затем главе Правительства не удалось достичь основных целей — стимулировать создание многополюсного мира и повысить международный статус России. Напротив, Россия пережила череду новых и еще более унижительных поражений.

23 марта 1999 г. правительственный самолет с Е. Примаковым, направлявшимся в США с официальным визитом, совершил «петлю над Атлантикой» и по решению главы российского Правительства вернулся в Москву в знак протеста против принятого американской администрацией решения о начале бомбардировок Югославии²⁶. «Петля над Атлантикой» не оказала ровным счетом никакого влияния на натовские военные бомбардировки Югославии и, напротив, усилила международную изоляцию России и ухудшила ее международное положение.

Как видно из книги министра иностранных дел И. Иванова, вышедшей в 2000 г., очевидный провал внешнеполитической парадигмы «ельцинского периода» не был подвергнут критическому переосмыслению со стороны правящей элиты. Е. Кожокин нашел этому оригинальное объяснение: «Идеологическая схема многополярности содержала как моменты реалистического анализа, так и утопические построения. Но идеализм всегда был присущ российской политической культуре, он помогал мобилизовывать людей на практическую деятельность. Правда, избыток утопизма мог привести к слишком опасным формам конфронтации, которые поставили бы под вопрос сохранение России в качестве целостного государства»²⁷. Е. Кожокин является достаточно информированным специалистом об уровне политической культуры правящей элиты, чтобы не поверить ему, что фактически принцип «русской рулетки» был положен в основу деятельности российской дипломатии.

«Черный сентябрь» 2001 г.: на пути к новой парадигме внешней политики. Представляется аксиомой, что внешняя политика и отношения с внешним миром должны обес-

²⁶ См.: Примаков Е. М. Восемь месяцев плюс... М., 2001. С. 145, 146.

²⁷ Цит. по: Внешняя политика Российской Федерации. С. 47.

печивать благоприятные условия модернизации России, обеспечить ей достойное место в глобализирующемся мировом пространстве. Современная расстановка сил на мировой арене оставляет России не много вариантов для выбора, суть которых можно свести к выбору между плохим и худшим.

Тем не менее судьба подарила России шанс для того, чтобы занять достойную нишу в мировом сообществе и «сосредоточиться», как говорил русский дипломат Горчаков, на решении внутривнутриполитических проблем. Впервые с времен антифашистской коалиции США и Россия констатировали появление общего врага и сочли возможным объединиться в борьбе против мирового терроризма.

С осторожным оптимизмом в действиях высшего российского руководства и дипломатии можно зафиксировать признаки обоснования новой парадигмы внешней политики, отталкивающейся от реального, а не «утопического» представления о мировой обстановке и о самих себе.

Этнический и религиозный экстремизм и проблема толерантного проживания. Современная эрозия системы международных отношений и ее основного субъекта — «государства-нации» провоцирует изменение принципов политической организации современных обществ, разрушает традиционные связи между его отдельными ячейками.

Следствием обострения этнических и религиозных конфликтов и силовых вариантов их преодоления методами «гуманитарной интервенции» становится подлинная *гуманитарная катастрофа*.

Ни всемогущая НАТО, ни ослабленная Россия не смогли военными средствами предотвратить этнический сепаратизм и геноцид. Из этого можно сделать вывод о том, что не существует чисто военного решения проблем этнического сепаратизма. Этот вывод может быть применим к оценке этнических и религиозных конфликтов в Азии, Африке и Латинской Америке.

В недавнем выступлении советника администрации США Кандолизы Райс говорилось о том, что «американские ценности носят универсальный характер». Предположим, что это утверждение является верным. В таком случае в подходе к межэтническим отношениям должен утвердиться принцип межэтнического диалога — *мультикультурализм*. Реализация этого принципа невозможна без равного отношения ко всем этническим группам и невыделения привилегированных этнических

ких групп, которые якобы имеют право на *этнический реванш*.

Достаточно внимательно взглянуть на европейскую карту, чтобы сделать очевидный вывод — вся Европа и особенно Центральная и Восточная Европа до Урала беременны потенциальными этническими конфликтами. Нет ни одной границы европейского государства, которая совпадала бы с проживающими в ее пределах этническими группами. Только в XX в. Европа пережила, как минимум, три национально-территориальных передела: Версальский мир, нацистский передел, ялтинский мир.

Начавшийся в 90-х гг. XX в. балканский территориальный передел может стать сигналом для объявления другими этническими группами своих притязаний на награду за лояльность к Западу. В уже приведенном заявлении Кандолизы Райс содержится намек на то, что утверждение американских универсальных ценностей, «их триумфальное шествие, конечно же, становится легче, когда международный баланс сил складывается в пользу тех, кто верит в эти ценности». Те, кто не успел заскочить в «западный экспресс», будут искать поддержку в «восточном экспрессе». Парадоксальным образом на смену идеологическому размежеванию мира может прийти этнополитическое.

Как избежать этого? Похоже, что ничего нового не надо придумывать. В основных документах ООН закреплено, что основу демократических требований в сфере межнациональных отношений и национальной государственности составляет приоритет суверенитета, самоопределения народов, а не этносов. Согласно рекомендациям ООН, под «народом» понимают *все население*, проживающее на самоопределяющейся территории. В отличие от народов, национальные меньшинства не являются субъектами права на самоопределение, зато международное право возлагает на государства обязательства по сохранению их социокультурной индивидуальности и недискриминации лиц, к ним принадлежащих²⁸.

Сегодня мы видим на Балканах, на постсоветском пространстве, ситуацию, когда *титовская* нация создает непереносимые условия для других этнических образований, выдавливает их с контролируемой территории, стремится сделать территориальное пространство моноэтническим. После распада Советского Союза 25 млн. русских оказались за пределами России. В

²⁸ См.: Ершов Ю. Г. Философия права: Учеб. пособие. Екатеринбург, 1997. С. 88.

1989 г. в восточных областях Украины русское население составляло свыше 60%, в Восточно-Казахстанской области и Северо-Казахстанской области — 65,9%, в Риге (Латвия) — 47,8%, в Таллинне, Нарве и Тарту (Эстония) — свыше 50%, в Вильнюсе и Клайпеде (Литва) — 32–36%, в Кишиневе (Молдавия) — 31%²⁹. Добавим проживание в этих государствах других этнических групп.

Высокая степень конфликтного потенциала в регионах Кавказа определяется рядом факторов: противопоставление ислама и христианства, в рамках ислама соперничество суннитов и шиитов, жесткая конкуренция четырех этнических групп — дагестанской, вайнахской, тюркской, абхазо-адыгейской, — внутри которых распределились свыше 50 конкурирующих национальностей, не говоря уже о родовых тейпах³⁰. Только в Чечне насчитывается 170 соперничающих между собой тейпов³¹.

Ни одна страна в мире, ни один регион не застрахованы от импровизированного взрыва находящихся в боевой готовности «этнических бомб». Как показывают события на Балканах, в Афганистане, на Ближнем Востоке, на Кавказе, современная цивилизация не располагает эффективными военными средствами прекращения уже возникших конфликтов.

В связи с «гуманитарной интервенцией» на Балканах снизился международный авторитет НАТО как организации по поддержанию мира и безопасности. ООН нуждается в реформировании в связи с возникновением новой архитектуры мира после падения Берлинской стены и краха Советского Союза. США как единственный лидер осуществляют откровенно идеологизированную мировую политику, ставя проблемы мировой и региональной безопасности в зависимость от распространения «американской универсальной системы ценностей».

Согласимся с мнением директора Стокгольмского международного института исследований проблем мира А. Ротфельда, который считает, что «пока не выработано ни одного организующего принципа глобальной безопасности»³².

²⁹ См.: Геополитическое положение России: представления и реальность. М., 2000. С. 150.

³⁰ См.: Мнацаканян М. О. Нации. М., 1999. С. 231–232.

³¹ См.: Возженников А. В. Парадигма национальной безопасности формирующейся России. М., 2000. С. 231.

³² Цит. по: Иванов И. С. Внешняя политика России и мир. С. 17.

В связи с внедрением в практику международных отношений концепции *ограниченного суверенитета*, может быть, следует изменить отношение к другому принципу международных отношений — праву наций на самоопределение? В любом случае не следует считать вооруженную борьбу за национальное самоопределение *этически оправданной* мировым сообществом. А мировому сообществу, стремящемуся к поддержке *прав человека*, больше внимания уделять правам отдельных граждан и этнических групп на культурную, религиозную и лингвистическую автономию и одновременно содействовать преодолению культурной изоляции путем расширения *глобального культурного и информационного пространства*.

Предупреждение и предотвращение этнических и религиозных конфликтов является наиболее эффективным способом предотвращения возникновения «этнических бомб». Однако эффективность предотвращения конфликтов будет значительно сильнее, если международные организации, мировая общественность и международные суды будут подходить *одинаково*, а не избирательно к наказанию провокаторов и преступников, не подразделяя их на своих и чужих. Например, не думаю, что в ходе гражданской войны на Балканах только сербы являются международными преступниками.

Общественность не должна доверять благоразумию политических лидеров. Для многих политических лидеров этнические конфликты являются наиболее эффективным инструментом управления политическими и социальными процессами, как в отдельных странах, так и на мировом уровне. Выскажу предположение, что в условиях однополюсного мира увеличился риск принятия опасных решений со стороны самоуверенных политиков.

В этой ситуации возрастает влияние на политические процессы неправительственных организаций, мировых религиозных лидеров и светских лидеров — властителей умов, независимых средств массовой информации. Итальянский мыслитель Умберто Эко сформулировал функцию интеллигенции — «выпячивать двусмысленности и освещать их». «Интеллектуальный долг — утверждать невозможность войны. Даже если ей не видно никакой альтернативы»³³.

³³ Эко У. Пять эссе на темы этики. С. 17, 26.

На первый взгляд в период триумфального шествия *глобализации* лозунг «научить жить вместе!» кажется неактуальным. Однако, настаивая на нем, мне хотелось бы подчеркнуть, что мало кто ожидал на исходе XX в. взрыва межэтнических конфликтов, распространения ксенофобии. К сожалению, мы пока еще недостаточно знаем природу человека и межличностных отношений.

Атака экстремистов на нью-йоркские «башни-близнецы» актуализировала выдвинутое в середине 90-х гг. некоторыми учеными (например, Н. Боббио) предположение, что кризис политических идеологий и политических партий и систем, возникших в период модерна, выдвинул на первый план принципиально новую политическую антиномию: *«экстремизм — не-экстремизм»*.

Таким образом, восприятие и формирование толерантной культуры поведения в международных отношениях представляется возможным на основе современной методологии научного анализа мировых политических процессов.

Уральский межрегиональный институт общественных наук как научная структура, ставящая во главу угла развитие междисциплинарных подходов в изучении общественных явлений и на их основе формирование толерантного поведения, открывает благоприятные возможности для достижения поставленных целей на основе использования современного научного инструментария.

А. В. Перцев
Екатеринбург

МЕНТАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

1

Резкое обострение международной обстановки в мире, произошедшее в последние месяцы 2001 г., заставляет существенно скорректировать подход к исследованию проблемы толерантности. До сих пор основное внимание уделялось поиску форм и методов, с помощью которых можно перевести открытые столкновения, сопровождающиеся насилием, в переговорные процессы, т. е., выражаясь упрощенно, усадить борющиеся стороны за стол переговоров.

Сегодня, после террористических ударов по США, после активизации террористической деятельности в Израиле, после раз-